

ДЕНИС ГОРЕЛОВ

ИГРА

В ПУСТЯКИ,

ИЛИ «ЗОЛОТО МАККЕНЫ»

И ЕЩЕ 97 ИНОСТРАННЫХ ФИЛЬМОВ

СОВЕТСКОГО ПРОКАТА

16+ СОДЕРЖИТ
РЕЦЕНЗУРНУЮ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

ОТ
АВТОРА
«РОДИНЫ
СЛОНИКОВ»
!

Денис Горелов
**Игра в пустыки, или «Золото
Маккены» и еще 97 советских
фильмов иностранного проката**
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталя»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41302972

*Игра в пустыки, или «Золото Маккены» и еще 97 советских фильмов
иностранного проката : Флюид ФриФлай; Москва; 2019
ISBN 978-5-906827-33-3*

Аннотация

В первой книге Дениса Горелова «Родина слоников» об истории страны, народа и культуры рассказывалось через призму истории советского кино. Новая книга выбирает другую оптику – иностранные фильмы, на которые валил толпами, которые любил и знал наизусть, на которых в конечном счете вырос советский человек. *Книга содержит нецензурную брань*

Содержание

Пролог	5
Предисловие-2	7
Благодарности	9
Наша Америка	11
«Бездна»	13
«Большие гонки»	16
«Генералы песчаных карьеров»	20
«Забавные приключения Дика и Джейн»	24
«Золото Маккены[1]»	27
«Каскадеры»	29
«Козерог-1»	32
«Конвой»	36
«Принцип домино»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Денис Горелов
Игра в пустыки, или
«Золото Маккены» и еще
97 советских фильмов
иностранного проката

© Д. Горелов, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

© П. Лосев, оформление, 2019

* * *

Пролог

Винни-Пух играл в пустяки.

Пускал с моста щепочку и бежал на противоположный край смотреть, как ее выносит река.

Это привело винни-пухову деревню к экологической катастрофе.

Книжку про медведя внесли в китайскую школьную программу.

Вы уже поняли масштаб трагедии.

Ежедневно в деревню А. А. Милна приезжают тысячи неиссякаемых китайских туристов. Все как один идут на мост играть в пустяки.

Деревья в округе ощипаны догола, до последнего перышка.

Жители хотят объявить Китаю войну и закрыть границу. Ибо сколько можно.

Но мы сейчас совершенно не об этом.

Глупые фильмы детства, засмотренные до лохмотьев в кинотеатре «Салют», вынесло великой рекой на другую сторону моста.

Оттуда они выглядят иначе.

И страны-производители. И мост. И мы сами. Все, кроме реки.

Винни-Пух придумал перемену ракурса.

Спасибо тебе, добрый медведь.

P.S. А с китайцами мы договоримся.

Пусть везут пустяки с собой.

Предисловие-2

Внутренний мир в СССР был пасхальным раем. Там все были счастливы, целовались и безнадежно боролись за культуру быта. Особенно счастливы были дети, шкодливые маленькие гаденыши. Фантазеры и почемучки. Счастье женщин было трудным, потому что не хватало мужиков. С мужиками в раю перебои.

Внешний мир был райской замочной скважиной. Там творилось что-то важное и вредное, но в усеченном формате. Стреляли, дрались, раздевались, вели себя непринужденно. С мужиками полный ажур, хоть соли, и денег куча.

Ад казался особенно заманчив, потому что плебейски размашист, со страстями в стиле немого кино: на полутона средств не хватало. Одна кровь-любовь. Даже ближний зарубеж существовал для отпугиванья: не пей из копытца, козленочком станешь.

Стоит ли говорить, что в XX веке с его ставкой на чувственные удовольствия контрпропаганда сработала ровно наоборот. Ад победил со всеми прежде неведомыми издержками.

При пострановой разбивке чемпионом русских симпатий предсказуемо оказалась Франция. Второе место было за Индией, но автор включил волюнтаризм и Индию раскассировал. Писать о Болливуде уныло и ни к чему: потребители

фильмов «Вечная сказка любви» и «Хитрость против алчности» обычно не умеют читать. За счет дисквалификации соперника поднялись на ступень Америка и итальянцы. По маленькой чебурашечке в общий пазл Большого Русского Интереса вставили народные демократии.

Так легла наша карта мира – чуть инфантильная, слегка демонизированная, но по мере приближения и всматривания кажущаяся все более честной.

Благодарности

Кудрявцеву Сергею Валентиновичу – единственному человеку в России, которого волнует статистика национального проката, сравнительные цифры посещаемости отечественной и европейской киносетей, предпочтения массового зрителя. Больше в стране с тремя киноинститутами, музеем кино, министерством культуры и кинокомитетом это не надо никому от слова «вообще». Даже сегодняшние рейтинги сборов за 27 суверенных лет приходится искать днем с фонарем: не покидает ощущение, что их авторы не прочь поднять бабла на завышении результатов заинтересованных компаний.

Волобуеву Роману Олеговичу – одному из немногих соотечественников, кого искренне заботят преданья старины глубокой. Первая половина рубрики опубликована на сайте «Афиша Воздух» с его подачи. Лавочка накрылась в дни декабрьских 2011 г. волнений «креативного класса», когда на улице временно стало интересней, чем в сети.

Сунгоркину Владимиру Николаевичу – вождю и командиру «Комсомольской правды», занятому каталогизацией русских масскультурных потребностей XX века – в литературе, живописи, кино и мультипликации. Еще полкнижки маленькими кусочками печатались у него в «КП».

Степанову Василию Евгеньевичу – политкомиссару «Се-

анса», взявшемся дообнародовать последние необходимые фрагменты из недр экзотических и редких кинематографий – к примеру, венгерской.

Левенталю Вадиму Андреевичу, на чьей книжной полке найдется уголок и для этих ксенофобских и ксенофильских записок.

Клушанцевой Ирине Дмитриевне – жене любимой-единственной, совершенно чуждой маниловской мечтательности, нередкой гостьи ее супруга. На всякое «Скажи, мой свет, а неплохо бы мне когда-нибудь написать про...» она отвечает: «Пиши, чучело, сию же минуту». Так, глядишь, и история кино у России появится. Не интересная никому, кроме С. В. Кудрявцева.

Сколько все-таки в стране энтузиастов архивного дела.

Душа радуется.

Временами.

Автор

Наша Америка

США для нас были гнездом порока, пышного и привлекательного. Если на Западе разврат, а американцы главные, то и должно быть у них, как на блатняцкой татухе: карты, нож и блондинка с сиськами. В то, что первая блондинка без всего появилась у них в кино только в 69-м, через 5 лет после англичан, 18 после шведов и аж 39 после нас (довженкина «Земля» – да, мы первопроходцы), поверить трудно до сих пор. В то, что Мэрилин Монро, умершая за 7 лет до того, не снималась в кино голой ни разу, не поверит никто и никогда, хоть это и суцая правда.

Америка была злом.

Восхитительным адом.

Мартини-бикини-мини, джинсы-жвачка-кольт.

Прокат стремился ад максимально усугубить. Разбойничьи хватки большого бизнеса. Равнодушие к смертным. Сила в деньгах. Virtuозный отстрел своих, но ненужных. Голливуд у нас лимитировался шестью фильмами в год, причем на мейджор-студии не хватало денег, гнали копеечный трэш или протестное кино, дешевое по определению.

Ада не оказалось.

Глянцевая вертикальная страна с безудержной, антихристианской ненавистью к бедным. Самые грязные и гадкие места – метро и «Макдональдсы», где бедных много.

Красивых женщин не оказалось – а зачем еще нужен ад? В целеустремленных и назидательных американках полно всего, кроме шарма.

В самой свободной стране мира все нельзя: курить, со-
рвать, жечь костры, с собаками, с мороженым, с пивом, с му-
зыкой, на роликах, на великах, на скейтах, на ходулях. Раз
все свободные и готовы делать все, что не запрещено – та-
кого количества запретительных табличек не найдешь ни в
одной стране мира.

Это ад?

Это рай – противный, нудный и дорогой.

Эффектно расцвеченный кинематографом.

P.S. Хоть Трампа выбрали. Спасли репутацию.

«Бездна»

США, 1977. The Deer. Реж. Питер Йейтс. В ролях Ник Нолт, Жаклин Биссет, Роберт Шоу. Прокат в СССР – 1981 (37,9 млн чел.)

Парочка случайных акватуристов находит у Бермудских островов золото. Как всегда в этих случаях, золото лежит на дне в пиратских трюмах, накрытое сверху торпедированным сухогрузом со снарядами и морфием в ампулах. Местным бермудским бандитам на золото плевать, потому что его мало, а в доказательствах его раритетности они не сильны, зато из морфия получается отличный героин, а его на дне минимум 90 тысяч мелодично позвякивающих склянок. Любители драгметаллов и любители психоделиков вступают в лютой бой на суше и на море – озабоченные лишь тем, чтоб не взорваться вместе к чертовой матери, что в конце и происходит с нечеловеческим грохотом и сотрясением больших масс воды.

Конечно, «Бездной» сегодня принято считать The Abyss Джеймса Кеймерона, тогда как шедшую в советском прокате под тем же именем картину The Deer уместней перевести как «Глубина». Вот на этой глубине, барахтая ластами, плавают Жаклин Биссет в мокрой майке без лифа (что любо-

пытно, ибо в отличие от большинства соотечественниц она в кино принципиально не раздевается) и молодой сивоусый Ник Нолт в своей первой главной роли и потому в титрах лишь третий. Первым же идет ныне мало кому известный даже в лицо Роберт Шоу, в те годы сравнительно популярный после двух «Челюстей» и других внезапно «выстреливших» в скучающие 70-е авантюрных В-фильмов типа «Черного воскресенья». Играет он расхожий тип отшельника-акванавта, без которого дебютантам на большую воду не вырुлить. Вся троица занята утрясанием клубка разноречивых интересов, среди которых: 1. Не взорваться. 2. Не допустить вброса на американский рынок большой партии зелья. 3. Доказать принадлежность безделиц со дна испанской короне, чем автоматически обеспечивается безбедная старость еще не запланированных внуков. 4. Не перессориться между собой. Задача эта для сценаристов В-фильма (каким он, судя по калибру звезд, и является) неподъемная, и длится оригинал-версия аж 2 часа 4 минуты, что совершенно невыносимо, невзирая на бермудские красоты и все оттенки зеленого, включая море, пальмы и бильярдное сукно. В советском прокате долгие библиотечные свары о судьбах колониальных эскадр отрезали к свиньям, от чего фильм только выиграл – но выплеснули заодно и ребенка, переведя чудо-пейзажи в бурый колёр шосткинского производства. Впрочем, кульминации фильма – ночному нападению бандитов в ритуальных масках вуду с раскрашиванием жаклинского живота куриной

лапкой, обмакнутой в жертвенную кровь, – это нисколько не помешало. У кого в жилах кровь, а не водица, она там застыла абсолютно у всех.

Главная же ценность фильма в том, что он снят за пару лет до политкорректной волны по классической формуле «ни одного плохого белого, ни одного хорошего черного». Все грязные наркобандиты этого фильма – негры, от чего мы за 30 лет реверансов с ущемленной расой уже успели отвыкнуть. Причем для компенсации расовых достоинств не придумано никакого местного пожилого резонера с высосанными из пальца мудростями малых народов и лицом Моргана Фримена. Сегодня подводного Вергилия просто перекрасили бы в черное – и дело с концом, но в 1977-м режиссеру Йейтсу такое просто не пришло в голову.

Спасибо ему и на том. После «Буллита» и «Джона и Мэри» белая публика вправе была ожидать от него более скрупулезной работы со сценарием. Советская же никаких «Буллитов» знать не знала и тихо балдела на финальном стоп-кадре – летящей в руки счастливых золотой брошке в виде дракона с рубиновыми глазами.

А негров и наркоту океан съел. Так сказать, задвинулся.

«Большие гонки»

США, 1965. The Great Race. Реж. Блейк Эдвардс. В ролях Тони Кертис, Джек Леммон, Натали Вуд, Питер Фальк. Прокат в СССР – 1976 (38,8 млн чел.)

В рекордистском раже начала века пионеры воздухоплавания, энтузиасты внутреннего сгорания, штурмовики скоростей и высот белый рыцарь Великий Лесли и черный завистник профессор Фейт соревнуются в изобретении рискованных аттракционов на потеху почтеннейшей публики. Пиком станет трансатлантическое ралли Нью-Йорк – Париж на чихающих, клаксонящих, скрипящих и смердящих самоходных экипажах времен зари автомобилестроения. В компанию к ним увяжется вздорная особа с репортерскими амбициями и суффражистскими наклонностями. Эта взрывная смесь к концу фильма завалит Эйфелеву башню – в чем, видимо, и состояла сверхзадача всего предприятия, ибо гигантоманам-американцам Эйфель давно мозолил глаза.

Эдвардс, как и Гайдай, был родом из немого кино и досуха отжал бум интереса к немой эксцентрике, приключившийся в ранних 60-х и продлившийся до конца биполярного мира. В его «Завтраке у Тиффани», пяти сериях «Розовой пантеры», кабарежном бурлеске «Виктор/Виктория»

и этих вот «Гонках» усатые мужчины гримасничали, тарасили глаза и семенили на цыпочках, дамы фехтовали зонтиками и переодевались в мужское, а все вместе норовили плюхнуться на попу, сломать дом, дирижабль, автомобиль и европейский миропорядок, после чего дюжину раз залепить друг другу тортом в морду. Чтоб растянуть балаган на полный метр, лучше всего подходила энергичная езда к заветной цели – из-за чего Филеас Фогг пускался вокруг света за 80 дней, безумный мир мчался за сокровищами к таинственному «дубль-В», Лесли с профессором устраивали межконтинентальные гонки и даже стесненный в передвижениях Семен Семеныч Горбунков плыл в Стамбул за бриллиантовой рукой. В путешествии можно было пятикратно упасть в воду, трижды запрячь в машину лошадей, сфотографировать аборигенов со вспышкой, а мужчине и женщине тысячу раз переругаться на скоростях, что всегда радует аудиторию, как впервые.

Битва полов, начатая в викторианскую эру и к 65-му еще не оконченная победой промежуточных женомужчин и мужчин, радовала Эдвардса всегда, как повод посадить гордецов и гордячек в лужу, раздеть их до белья (плебс любит неглиже и розовые кальсоны) и макнуть в заварной крем, что всегда приятней делать со склочными экземплярами. К феминизму он относился как к простительной бабской блажи, не теряя случая выставить победительную эмансипе щипаной курицей, да еще со взбитыми сливками. В России ма-

ло кто заметил, что искательница равноправия переменит за гонку 11 нарядов и четыре пальтишка самых немислимых расцветок – что переведет ее из сотрясательниц устоев в рядовые кокетки со скандальным характером.

Зато звезде салуна Лили Омей, послужившей ролевой моделью Дианы Литтл из «Человека с бульвара Капуцинов», она даст смачного пинка, к радости всемирного стада сексистских свиней, в том числе и русских.

Россию наши цензоры из фильма зачем-то вырезали – так что с Аляски транс-европейцы угодили сразу в Австро-Венгрию (по фильму Капрания), что опять никого не смутило, потому что в географии США и Советский Союз были одинаково слабы. Под нож попал милейший кусок с хмурыми толпами в Тобольске, переходящими в состояние кавказского экстаза от единственной фразы «Как поживаете, друзья?», произнесенной Натали Вуд, урожденной Захаренко, на родном языке с диким акцентом. Ровно так же поведет себя в следующем 66-м году де Голль с балкона Моссовета – за что любим нацией, чувствительной к родному языку, до сих пор.

Фильм был посвящен дуэту Лорелл – Харди, который тоже любил падать с лестниц, ломать пианино и напускать лужу в гостиной, но у нас их никто не знал, и посвящение удалили вместе с традиционной для первых кинопоказов убедительной просьбой дам снять свои шляпы.

Даже в этой фразе проявился уникальный эдвардсовский сплав симпатии и иронии к своим героям – женщинам, муж-

чинам, Европе, Америке, чемпионам скоростных дерби и активистам освобождения полов, – который и принес ему долгоиграющий успех и рабочую форму до глубокой старости.

«Генералы песчаных карьеров»

США, 1971. The Sandpit Generals. Реж. Холл Бартлетт. В ролях Кент Лейн, Тиша Стерлинг, Буч Патрик. Прокат в СССР – 1973 (43,2 млн чел.)

В горбатых дюнах Сантьяго-дель-Байя дружно бичует подростковая коммуна. Ежеутренне разноцветные дети побережья расходятся по округе тырить еду, грабить церкви и насиловать случайно забредших в пески школьников.

Недоуменное равнодушие Московского фестиваля 1969 года к кубриковской «Космической одиссее» (Кубрик был у нас в конкурсе и проиграл фильму «Серафино» с Челентано) привело к бойкоту ММКФ Американской ассоциацией киноэкспортеров. На безрыбье в конкурс 1971-го затесался фильм сомнительного дистрибьютора American International про бразильских беспризорников – и уже месяц спустя вся Россия пела под бонги и тамбурины Луиса Оливейры: «Я начал жизнь в трущобах городских...»

Стране жиганского интернационала, лютых ментов и ранних беременностей в самое сердце легла повесть о новых гоп-со-смыком и волчьем билете в жизнь. Их ждала та же колония-малолетка, их королева носила ту же тельняшку, а командир за каждого без оглядки шел на нож; их так же со-

гревала романтика общего стола и хлеба, краденой гитары, стыков за новую девчонку и жестокого братства несовершеннолетних маргиналов.

«Генералы» были вольной экранизацией сорокалетней давности «Капитанов песка» Жоржи Амаду (1937) и отличались от них, как Майкл Джексон от натурального зулуса. Буллит в книге было 15 плюс ножевой шрам на щеке – артисту Кенту Лейну 23 и одни только ангельские кудри. Красава Кот обжуливал своих в карты. Хромой не только растапливал сердца мамаш, но и часами мучил кошек, а однажды расписал бритвой официанта. С мужеложством в стае справился только отец Жозеф: сказал, что не по-пацански – и старшак решил за педерастию гнать. И без того стремная сцена изнасилования в оригинале звучала так: услышав, что перед ним девчонка, Буллит великодушно решил оставить ей ее сокровище и отдолбил в попу. Словом, Бартлетт сделал то, за что Шаламов ненавидел советскую беллетристику: окультирил блаатье. Извинял его только факт, что насильникам-грабителям было по 9-15 лет от роду, и кого-то еще можно было вытащить. «Ага, – кивали десять лет спустя бывалые зрители асановских „Пацанов“. – Можно. Но надежней под пулемет».

Любопытно, что сексуальные вольности мелкой шпаны иногда проникали в печать, но были стопроцентным табу для кино. В макаренковских «Флагах на башнях» хлюст Рыжиков предлагал 14-летней экс-проститутке Ванде «тряхнуть

стариной» на лавочке. В фильме ее мало того, что играла 31-летняя дама, так и о проституции не поминалось вовсе, и «тряхнуть стариной» адресовалось пивнушке, и неясно было, с чего барышня пошла пятнами и послала уroda по матери. Из «Республики ШКИД» уже на сдаче вылетела реплика «А нельзя ли даром? – А даром за амбаром». Даже в последней, 2011 года постановке «Капитанов», на которую вся Бразилия скидывалась по грошику, от изнасилования следа не осталось. Гомиков сохранили, блондинов покрасили в брюнетов, но с детским насилием – йок. Забудьте.

И титульный диалог выпал. «У меня велосипед и игрушки какие хочешь», – хвастался барчук. «Богач, – хмыкал Буллит. – А у меня только город и порт».

Не иначе, за эти слова Амаду в 51-м вручили Международную Сталинскую премию.

P.S. Ночью 86-го автор вел на «Генералов» по Днепропетровску взвод узбекских дембелей. Накануне расписал братве сюжет и вздыхал, что единственный сеанс назначен на 23. Узбеки перетерли и решили: «Сержант? Веди». Строем. В культпоход. Ночью. «Э, патрули снимают только к часу», – артачился я. «А патруль мы измудохаем так, что не встанет», – отвечали узбеки. В колонну по три, в кубанках на залом, в распахнутых на груди бушлатах войско мое смотрелось грозно. С трудом удалось отговорить их пугать город узбекской народной песней «Белая армия, черный барон».

На выходе главный подытожил: «Я же говорил, всегда надо очкарика слушать».

«Забавные приключения Дика и Джейн»

США, 1976. Fun with Dick and Jane. Реж. Тед Котчэф. В ролях Джордж Сигал, Джейн Фонда. Прокат в СССР – 1979 (22,1 млн чел.)

«Уволен» по-английски звучит как «застрелен»: FIRED. Оставшись без работы в аэрокосмической инженерии, идеальный американец Дик теряет страховку, кредит, газон, электричество и пропитание. «У тебя ничего нет, ты голдранец, Дима!» – орал в таких случаях полковник Сокол-Кружкин зятю Семицветову. Дима плакал, а несгибаемые Дик и Джейн собирают волю и оружие в кулак и выходят на большую дорогу за новой американской мечтой.

Притчевый пафос «Все у вас получится» заявлен еще на титрах – с рисованными картинками открыточной американской семьи. «Это Дик. Он милый мальчик». «Это Джейн. Она хорошая девочка». «Дик занимается». «Джейн сплетничает». «Дик получил работу» (с кульманом). «Джейн получила работу» (с люлькой). У Дика с Джейн бэбик, песик, «форд», телевизор и дачный домик для одной семьи. Боже, благослови Америку.

Но чуткое ухо слышит в именах «Дик и Джейн» не только

умильный писк детской мельницы-шарманки, но и разбойный посвист бурь в парусах флибустьерских флотилий. Критика рифмовала фильм с «Бонни и Клайдом» – но восходил он к праисторическим временам, когда сорвиголовы летали по вантам с кинжалом и розой в зубах, а в час досуга накалывали себе эту розу и этот кинжал на те места, куда добрые люди прививают оспу.

В эру картеровских экономических ям в США вышла целая серия комедий о том, как честные граждане преодолевают спад посредством гоп-стопа: «С девяти до пяти», «Красиво уйти», «Как преодолеть дороговизну жизни». То был редкий случай, когда всеамериканское кредо «Любой ценой вырваться с обочины» идеально совпало с нашими пугалками про беззастенчивый дух первых переселенцев. Фильм шел у нас почти без купюр: осталось даже гигантское фото Моше Даяна на черной лестнице аэрокосмического концерна. Одноглазый орел пустыни, очевидно, должен был символизировать этническую принадлежность акул бизнеса, всех трех авторов сценария, исполнителя главной роли и, не исключено, самого режиссера Котчефа – но цензура знать не знала, как выглядит Моше Даян, а в черной повязке через глаз увидела сходство с Флинтом и Сильвером Костяной Ногой. Хотя нельзя исключать, что цензоры тоже были евреи и таким образом протащили на дурачка свою сионистскую пропаганду. Если так – провокация не удалась: 99 % советских зрителей тоже не узнали Даяна.

Зато прыжки негра-охранника перед зеркалом с криком «Та! Та! Та! Получай, белая обезьяна!» вызвали девятибалльное цунами. Также хорошо шла ворчба Дика на судьбу-индейку с финальным «Еще эта собака здесь пыхтит!» и скатыванье в рулончик неоплаченной лужайки вокруг дома. Термины «кредит», «закладная», «инспектор службы занятости» не касались нас даже гипотетически, и комедия из зазеркалья смотрелась довольно безоблачно. Пройдя этап общего разора, левых приработков и налетов на обменники, Россия узнала, с какой скоростью и на какой конечной остановке кончается подобная предприимчивость – но Дика и Джейн не разлюбила все равно.

А три года спустя режиссер Котчэф снял фильм «Первая кровь» – пилотную серию франшизы о Джоне Рембо. Так и вышло, что картина зачинателя «грязной антисоветской стряпни» с огромным успехом прошла по диким холмам СССР, а американские бандиты сделались народными русскими героями. Круче может быть только байка М. Веллера, как командующий армией обороны Израиля вышеупомянутый Моше Даян стал кавалером ордена Боевого Красного Знамени.

«Золото Маккены¹»

США, 1969. *Mackenna's Gold*. Реж. Джей Ли Томпсон. В ролях Грегори Пек, Омар Шариф, Джули Ньюмар, Телли Савалас. Прокат в СССР – 1974 (63 млн чел.)

В скалистых горах шериф-отшельник Маккена отнимает у злого индейского вождя карту золотых россыпей и сжигает ее, становясь невольным носителем Знания. Шайка мексиканца Колорадо берет его в Сусанины, обрастая по дороге алчными соискателями из местных. Как и обещал шериф, геологам-любителям приспичивает сыграть в десятых негритят.

Притча, как жадность губит фраеров, делалась под явным впечатлением Серджи Леоне. Впервые на мейджор-экране были терпеливые стервятники и аккуратные прямоугольнички могил в прерии, кактусы с баобаб и неспешный медитативный разгон: не след торопиться туда, куда всем и так суждено прийти. Беда, что Джей Ли Томпсон был режиссером не чета Леоне и напитать медлительность саспенсом не умел. Затяжная экспедиция дорогих звезд в прерии ему была не по

¹ Фамилия шерифа в оригинале писалась через два «н», но русская орфография склонна по мере укоренения слова в языке сокращать сдвоенные согласные (так, еще в начале XX века было принято написание «шоффер» и «галлеря»). Фамилия «Маккена» в русском языке стоит, как скала.

бюджету, и кадры с Пеком и Шарифом то и дело снимались в павильоне путем наложения на натурные пейзажи. Бессознательные швы рир-проекции бросались в глаза всем, кроме советского зрителя: за чистопородный «родной» вестерн, которым прокат его не баловал, за голую индианку, плывущую под водой с коварными целями, за скачку по сотрясающемуся в корчах каньону и золотую пыльцу на одежде после купания в заветном ручье он был душу готов отдать. Да и душу ему дезинфицировали крепкой протестантской моралью, а лишние длинноты убрали на монтаже советские редакторы, за что им поклон земной. Злые команчи, томагавк по хребту, федеральная кавалерия в подтяжках и желтых шейных платках во главе с сержантом-изменником по имени Лисица Тиббс (всем, конечно, слышалось: Типс) – этот данс-макабр человеческих отбросов сиял червонным золотом на фоне стерильного советского экрана. Седеющий резонер Пек получал в финале приз за золотой иммунитет: волю, блондинку и полную торбу самородков с кожаным тиснением «US».

За два часа экранного взаимоистребления он один так никого и не убил. Вождь из пролога не в счет, так как напал первым. И грифы сыты, и совесть чиста.

«Каскадеры»

США, 1977. Stunts. Реж. Марк Лестер. В ролях Роберт Форстер, Фиона Льюис, Рэй Шарки. Прокат в СССР – 1979 (41,9 млн чел.)

В ночь перед съемкой черные руки суют бумажку в замок страховочного троса. Минус каскадер. В обеденный брейк черные руки натирают высотный канат солидолом. Минус два каскадера. На эпизоде с огнем черные руки забивают досками запасной выход. Минус три каскадера. Четвертый, которому уже ослаблены крепежные болты в полозьях вертолета, внимательно вглядывается в площадку. Многое можно углядеть в съемочном процессе, если как следует присмотреться.

Продюсер стучит в гольф в кабинете – любимая забава мафиозных парвеню. Жена его спит со всей группой поочередно. Постановщик трюков, подозрительно бисексуальный блондин, хвастает «Оскаром» за фильм «Своя кровь», на котором разбились двое. Правильные парни летят с высоты, бьются в машинах и строят планы (гиблое дело) – неправильные парни торгуются за лишний косарь и портят страховочное оборудование.

Голливуд как он есть во всем своем уродстве и блеске

кривого зеркала, да еще и с хай-классом постановочных сцен. Пятикратный кульбит автомобиля с большим пальцем в кадр из раздавленной кабины впечатлил не избалованное action-movies население настолько, что многие мечтали прицепом зазырнуть и фильм, что делался группой и требовал столько каскадерских смертей.

Трэшуха, конечно, обещалась адова. Ну, кто здесь мог знать, что на боевиках с увечьями специализируются бросовые студии восточного побережья, чьим боссам только в гольф на рабочем месте и играть? Что фильм с названием «Своя кровь» не приблизится к «оскаровскому» лонг-листу на выстрел, а значит, все это – отсебятина русского либретто. Что каскадер в США – малооплачиваемая услуга селебритиз, держащих его за дурачка с родео и при соболезованиях не способных даже фамилию вспомнить: «Мы все звали его просто Джейк». Отношение к мэну крутому диктуется степенью цивилизации и местом в ней окопной войны и ручного труда. Застрявший в индустриале Союз на каскадерах как эталоне мужественности буквально помешался. О них пели «Земляне», к ним вербовались лоботрясы, «Смена» с «Неделей» печатали ворчбу шефа одесских трюкачей Жарикова на отсутствие статуса и тарификации – и все, кому надо, знали, что это он, Жариков, машет крюком в «Сыщике», падает под абордажной «кошкой» в «Пиратах XX века» и тычет финкой меж пальцев в «Место встречи изменить нельзя». О погибшем на копеечном развороте Жиле Деламааре слагали

посмертные саги.

В постмодерновых США рулила женщина, менеджер и хват, – а трюкач считался нелепым ретро, как тот ковбой. Он и был ковбоем 70-х – битый-латаный самец, вечно лезущий в беду за медные деньги, пока где-то в закатной дали ждет его с мальцом и винчестером скво, знающая толк в мужчинах. И никому он уже особо не был нужен – как выпавшие из спроса ковбои 60-х, коротавшие век в случайных приработках. Стареющий Бронсон доигрывал в дешевке студии Cannon, стареющий Бриннер – в шпионском трэше Европы, Маккуин просто умер в 50.

Звезда «Каскадеров» Роберт Форстер в зимней джинсовке с подбоем был бы отличным траппером с седлом на плече – но вестерн умер, и оставалось лишь дразнить победительниц жизненной гонки – репортерш центральных изданий, отчаянно делавших вид, что мужики им без надобности.

Когда гостья, не заметив защитной сбруи, просила подбросить ее до площадки и влетала в поворот на 360 с промятой крышей, участливо спрашивал: «Понравилось?» – и удивлялся: «Хм, не понравилось».

Но был прощен. Две цепочки следов на песке, ведущих к пролежню у кромки прибора, стали второй после пятерного кульбита режиссерской находкой и бонусом для героя.

Все-таки даже самые успешные из молчаливых дам знают толк в тертых самцах.

«Козерог-1»

США, 1977, в СССР – 1980. Capricorn One. Реж. Питер Хайамс. В ролях Джеймс Бролин, О Джей Симпсон, Эллиот Гулд, Карен Блэк, Телли Савалас. Прокатные данные отсутствуют.

Предстартовые тесты амуниции для полета на Марс обнаруживают неисправность скафандров и неминуемую гибель экипажа. NASA решает гнать корабль порожняком, а высадку имитировать в павильоне заброшенной авиабазы. После триумфальной трансляции челнок попадает в нештат и взрывается. Экипаж, понимая, что для всей Америки его теперь как бы и нет и что жить ему от силы полчаса, уходит в побег – врассыпную, авось из троих кто и доберется. Навстречу мини-шансом летит первая поправка в лице подозрительно-го провинциального репортера.

Конспирологическая теория лунных врак пустила глубокие корни. На видео с Луны американский флаг стоял колом при полном отсутствии атмосферы, профессор Нил Армстронг лепетал что-то бессвязное – эти и прочие туманности породили бум подозрений в фальшаке, срежиссированном в павильоне лично Стенли Кубриком.

Нам такие версии грели коллективное сердце. В олимпий-

ский год «Козерог» шел даже не первым, а нулевым экраном – через «Россию» и «Октябрь», общесоветские ворота в небо. Иностранцам такой фарт не полагался – был, конечно, «Трюкач», но уже в 83-м андроповском, когда многие приключились ползучие послабления, а обыватель все равно ждал арестов и запомнил одни облавы в прачечных. В прежние же постные дни главные кинохрамы страны служили только «Тегерану-43», «Блокаде», «Демидовым» и одиноким, которым предоставляется общежитие.

И тут вдруг – астронавты, масштаб, афиша во всю Пушки и буквы по козырьку. Опытный глаз, конечно, распознал бы в «Козероге» доброкачественную «бэуху» – прогрессивную лоубюджетку про интриги Вашингтона с ограниченным прокатом в «городских» штатах; но опытный глаз в той стране был у одного Кирилла Разлогова, а он и закупал в прокат кино про интриги Вашингтона – по возможно умеренной цене. С недорогим Эллиотом Гулдом, которого за разбитую семитскую внешность вечно приглашали на роли профессоров с убеждениями, носящих ковбойку под немаркий пиджак и спящих со своими студентками. С уединенными ангарами в невадской пустыне, удобной для незатратных постановок (например, про подготовку жирными котами биг-бизнеса убийства Кеннеди, был и такой фильм). С легендами плохого мальчикового кино типа Телли Саваласа, которого сегодня бы непременно снимал Тарантино.

Необходимую экономию искупал отличный сценарий и

режиссура дебютанта Хайамса. Назвать программу запусков на Марс «Козерогом» было, право же, хорошей идеей – учитывая страсть протестантских сверхдержав к античной мифологии. Превращение стервятников, привидевшихся в пустыне косому от жажды пилоту, в стрекочущие вертолеты убийц забудется нескоро. Как и бой «кукурузника»-опылителя с воздушной кавалерией армии США. Или ползущий в гору с расслабляющим анекдотом про дядю Джо второй пилот – аккурат к ожидающим вертолетным полозьям.

Пилота-негра, между прочим, играл О Джей Симпсон, годы спустя убивший жену с любовником и вышедший сухим из воды. Мы тогда в американском кино негров не опознавали – да и белых, признаться, тоже.

Сюжетом, бюджетом, сроком релиза «Козерог» срифмовался с еще одним футурологическим боевиком тех лет «Ангар 18» – про встречу спейс-шаттла с инопланетянами и попытку федералов спрятать от нации концы вместе с экипажем. Серебристые жароупорные комбинезоны с вшитым звездно-полосатым флажком были в тот сезон в большой моде.

Капитана «Козерога» звали Чарли Брубейкер.

Штурмана в «Ангаре» – Лу Прайс.

За это базовое нефункциональное знание Тарантино обязательно одарил бы меня золотой контрамаркой на все свои премьеры. Это ведь круче, чем помнить лучших отбивающих за всю историю бейсбола.

Просто потому, что Лу Гериг и Бейб Рут – рядовые американские идолы, а товарищи майоры Брубейкер и Прайс – герои Советского Союза.

И это навсегда.

«Конвой»

США, 1978. Convoy. Реж. Сэм Пекинпа. В ролях Крис Кристофферсон, Эли Макгроу, Эрнст Боргнин. Прокат в СССР – 1986 (35,9 млн чел.)

Классовые войны дальнобойщиков и автоинспекции переходят границы штата Аризона и кодекса административных правонарушений США. Неформальный вождь пожирателей трасс Резиновый Утенок собирает колонну скоростных тягачей и бьет автопробегом по нервам, ушам и рейтингам правящей партии. Попытки задержать автопоезд пресекаются опережающей информацией, что в утенкиной цистерне несколько тонн жидкой взрывчатки. Растянутый на километры конвой становится аналогом марша на Вашингтон – любимой забавы американских несогласных.

Главным в картине был, конечно, бронзовый злой утенок на передке большегрузного МАСКа – в тот момент его не заметил никто, кроме Квентина Тарантино, 20 лет спустя припилившего такую же игрушку на капот убийцы дур Каскадера Майка в «Доказательстве смерти». Пекинпа с его культом криминальной солидарности («Соломенные псы», «Дикая банда», «Побег») не мог не быть идолом Тарантино, а в СССР имел шанс попасть лишь на излете социализма. В тот

год в России зрела смута и протестная вольница, и колонна авточудовищ, с ревом идущая на таран полицейских кордонов, падала в коллективный анархический тигль щепоткой катализатора. Дальнобойщик всегда слыл у нас эталоном достатка, мужества, цеховой взаимовыручки и бесстыжего сексизма – отраднo было узнать, что и в дальней Америке его воспринимают так же и ментов не любят аналогично. Позывные Бешеный Конь, Черная Вдова, Лысый Череп и Болячка Миссисипи ласкали слух – особенно Старая Игуана, хотя никто еще не знал, что это кличка самого Пекинпа.

В США волна грубого тестостерона, рукоприкладства и сквернословия уже сходила на нет, герои Пекинпа старели и умирали, сам он был при смерти, и картину на две трети снял его не менее древний дружок Джеймс Коберн – тот, что метал ножи в «Великолепной семерке». Зато антицивилизационный реванш вскипал у нас – в дальнейшем идеал традиционалистского маскулинного общества «Я дикий мужчина – яйца, табак, перегар и щетина» с успехом эксплуатировали группы «Ленинград» и «Любэ». Подъем грубого мужского мировидения всегда приходится либо на войну, либо на периоды резкого ослабления государства – неслучайно «Конвой» был снят в последний год правления неумейки Картера и попал к нам на заре фразера Горби. В такие годы всегда становится слишком много психов, блатья и вымогателей в форме, которые не есть государство, а только лишь паразиты на ослабшем режиме, – и мужской белой обезьяне при-

ходится забыть речь и взять в руки палку. Времена тогда наступают преинтересные и опасные – но нестоличная Россия за минувший век в иных временах, считай, и не жила, так что фильм «Конвой» пришелся в лад национальному самоощущению.

А ментовского пахана, злыдня и забияку, озвучивал, между прочим, Джигарханян. И теперь уже ему приходилось слушать в рацию свое же коронное: «Кто это там гавкает?»

«Принцип домино»

США, 1977, в СССР – 1979. The Domino Principle. Реж. Стенли Креймер. В ролях Джин Хэкман, Кендис Берген, Ричард Уидмарк, Микки Руни. Прокатные данные отсутствуют.

Люди в черном организуют снайперу Рою Такеру побег из тюрьмы Сан-Квентин. Такер жует жвачку. Его воссоединяют с женой, дают паспорт и счет и предлагают немного пострелять с вертолета. Такер жует жвачку. В нужный час в нужном месте он стреляет с вертолета в хорошо охраняемого джентльмена с флагом США на лужайке. Его разъединяют с женой, отнимают паспорт и счет, убирают контакты. Такер сплевывает жвачку и снова берется за автомат.

«Розовый» Креймер был самым востребованным в СССР американским режиссером – в такой степени, что его даже по-свойски кликали Крамером (никому же не приходило в голову звать Роберта Олтмена Альтманом, а братьев Коэнов – Коганами, кем они, вне всякого сомнения, и являются). Большинство его картин (хоть и не все, как мнится многим) шли в советском прокате – что позволило удостоить его на Московском фестивале-83 авторской ретроспективы, а в киноэнциклопедии В. Божовича и В. Михалкови-

ча – единственной персональной статьи на все американское кино, между Чаплином и Спилбергом. Последнее, конечно, говорит более о серости авторов – но и о месте Креймера в русских умах и сердцах тоже. «Не склонившие головы»², «На последнем берегу», «Суд в Нюрнберге», «Пожнешь бурю», «Этот безумный, безумный, безумный мир», «Благослови зверей и детей», «Корабль дураков» – Креймера наша Раша знала, как своего.

«Принцип домино» стал его лебединой песнью. Политические убийства исстари были бичом развитых демократий – сценаристу с говорящей фамилией Кеннеди тут и объяснять ничего не надо. Монархическая Россия, конечно, отметилась на этой стезе довольно кучно, но Ленин после смерти брата сказал, что путь не наш – ликвидацией Кирова все и закончилось (эффектное покушение на Брежнева в 1969-м от общественности утаили). На фоне частых политических смертей в США, цунами террора в Италии, регулярных, хоть и безрезультатных покушений на де Голля стабильная среднеблагополучная Россия вполне могла драть нос: мы хоть в темных очках под пальмами и не сидим – зато ж у нас и премьеров не воруют.

² В нашем прокате шли под названием «Скованные одной цепью». «Не склонившие головы» – более чем сильно сказано: оригинал-титул *Defi ant Ones* – гриф на личных делах заключенных, означающий «склонны к побегу» или «... к сопротивлению».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.